

А. В. Петров

ПРАВОСЛАВИЕ, «ОДИНАЧЕСТВО», САМОДЕРЖАВИЕ (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры)

Статья посвящена происхождению и взаимодействию важнейших особенностей русской политической культуры. Рассматривается историческая сущность «одиначества» — при своих общеевропейских архаических истоках именно в контексте древнерусской культуры оно заявило о себе с наибольшей наглядностью, став центром и нервом всей древней русской политической культуры. Автор утверждает, что величайшая мировая религия и национальная самобытно-силовая власть образовали в отечественном прошлом органическое сочетание, во многом определившее важнейшие особенности русской истории и культуры. Поиски государственного мировоззрения в более позднее Новое время свелись к провозглашенной графом С. С. Уваровым триаде «Православие, Самодержавие, Народность», вобравшей в себя идеологию русской национальной политической культуры и сыгравшей важнейшую роль в развитии русской государственности. Автор показывает, что использование национального исторического опыта, обращение к отечественной истории с ее самобытностью для русской политической культуры были необходимы тогда, имеют непреходящее значение и приобретают особый смысл в современности.

Ключевые слова: православие, «одиначество», вече, вечевой уклад, самодержавие.

Нижеследующие замечания и обобщения так или иначе связаны с моими исследованиями древнерусского политического уклада, из них вытекают и развивают их положения¹.

Самое первое и самое главное, что я бы хотел со всею решительностью подчеркнуть, это то, что исследователи вечевого уклада древней Киево-Новгородской Руси и позднейшего Московского самодержавия *подчинены необходимости* пристального внимания к духовной и политико-правовой традиции, запечатленной в исконном славянском понятии «одиначества» и, может быть, даже *обречены* рассматривать данную традицию как исходный момент своего научно-исторического анализа².

Влияние православия привело к христианизации феномена «одиначества». В вечевой действительности XI–XIII вв. давали о себе знать два понимания «одиначества»: и старинное языческое (требовавшее неперменной расправы с противниками воли большинства), и новое, переосмысленное христианством, призывающее к «единству в любви» и предполагающие прощение и отказ от мести³. В свою очередь,

Алексей Владимирович Петров — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003; *Его же.* К вопросу о характере и итогах социально-политического развития Великого Новгорода в XI–XV веках // Вечевая республика в истории России: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 сент. 2008 г. Ч. 1 / Сост. Д. Б. Терёшкина, Г. М. Коваленко, С. В. Трояновский [и др.]. Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 11–29.

² *Петров А. В.* Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности : К 75-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2011. С. 71–83.

³ *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы... С. 87–108; *Его же.* К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // Проблемы истор. регионоведения : Сб. науч. тр. к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб. : Изд-во «Скифия-принт», 2009. С. 19–58.

самодержавие Московских государей не может быть понято вне системы православного мировоззрения.

Классическая интерпретация древнерусского веча включала в себя положение о *единодушии* на нем как неременном условии принятия решения и важнейшем атрибуте вечевой деятельности.

Как показал В. И. Сергеевич, синтезировав конструктивное содержание сочинений писавших *до него* историков, — на вечевом собрании древнего периода «счёта голосов у нас вовсе не делалось по той причине, что большинство голосов (абсолютное и тем более относительное) не считалось достаточным для решения дела. У нас требовалось или единогласное решение, или такое большинство, которое ясно видно безо всякого счёта голосов. Это должно быть подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всех разномыслящих.

Такой порядок совершенно понятен. Решение по большинству не заключает в себе никакой разумной идеи. Если сто человек думают так, а пятьдесят иначе, то отсюда вовсе не следует, что сто думают правильно, а пятьдесят ложно, и что пятьдесят должны подчиниться мнению ста. Если теперь везде принимается большинство, то как единственный возможный мирный выход из затруднения, представляемого разделением голосов, и только. Древний человек не был способен к такому искусственному решению вопроса. Он предпочитал биться за свои убеждения и силою принуждать противника принять мнение, в истинности которого был уверен.

А с другой стороны, решение по большинству предполагает наличие самостоятельной исполнительной власти, достаточно сильной, чтобы привести в действие народное решение, несмотря на противоречие многочисленного меньшинства. В период господства вечевого быта исполнительная сила не успела еще обособиться от силы народа вообще; а потому значительное меньшинство народа всегда могло противопоставить большинству деятельное сопротивление. Так оно в действительности и было.

Что голосов не собирали и не считали, а принимали за решение подавляющую силу их, мы видим, во-первых, из обычных для того времени выражений, в которых говорится о состоявшихся народных решениях, и во-вторых, из последствий, которые наступали в случае такого разделения мнений, при котором не было ни на одной из сторон подавляющего большинства.

«Все вечевые решения имеют в своем основании соглашение всех (курсив мой. — А. П.).<...>

Но поводов к разногласию в древнее время было не меньше, чем в наше. А потому *господствовавший тогда порядок заключал в себе возможность междоусобной брани (курсив мой. — А. П.)*. При нерешительном разделении голосов стороны стояли друг против друга безо всяких средств к мирному выходу из разногласия. Им ничего не оставалось, как обратиться к суду Божию. Они это и делали. <...>

Таким образом, как необходимость соглашения всех, так и возможность междоусобной брани, в случае разделения, суть две стороны одного и того же явления. *При господстве таких порядков власть постоянно переходит из состояния мира в состояние размирия и обратно (курсив мой. — А. П.)⁴. <...>*

Единение всех было обыкновенной формой вечевого решения. Но необходимость такого единения не шла у нас до того, чтобы вече вовсе не сознавало за собой права

⁴ Выделенная в двух последних абзацах курсивом мысль В. И. Сергеевича, вкупе с замечанием С. Ф. Платонова о том, что «междоусобия Новгорода открывают нам его внутреннюю организацию» (Платонов С. Ф. Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 году и после подчинения до Ништадтского мира 1721 г. // Петров А. В. С. Ф. Платонов о новгородском вече. Приложение 1 // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Палаиорωσια: εν χρονω, εν προσωλω, εν ειδει. Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д-ра ист. наук, проф. А. В. Петрова. СПб., 2016. С. 52), побудили меня к моему докторскому исследованию: Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы...; *Его же*. Новгородские усобицы: возникновение и разрешение общественных конфликтов в вечевом городе (к изучению древнерусского народоправства) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.

постановить обязательное для всех решение, едва был один несогласный. Под единением всех надо разуметь не соглашение всех без исключений, а соглашение такого подавляющего большинства, которое заставляет молчать разномыслящих. <...>

Описанные порядки давали полную свободу образованию политических партий и полный простор их взаимной борьбе»⁵.

Вече было частью древнерусского политического уклада, важнейшей, но не единственной. Источники дают полномочия использовать в наших объяснениях этого уклада идею о своеобразном, плохо схватываемом современными политико-юридическими дефинициями «дуализме князя и вече» с «более независимым положением князя на киевском юге»⁶.

На мой взгляд, специфика этого «дуализма» как раз и проясняется под углом зрения древнерусского политического принципа «одиначества» — нераздельности всех форм власти (и единодушия самого вече как такового).

Во всяком случае, «рядом с вечем и народными общинами стоит князь — вождь и организатор народного ополчения, глава общего управления земли, охранитель внешней безопасности и внутреннего “наряда”. В этой двойной роли своей он стоит во главе земских сил народного полка, во главе того союза общин, какой представляется внутренняя организация земли-волости, — он, а не вече. Правда, высшая решающая власть для народного войска и народных общин — вече, а не князь. Правда, полк тысячи земской идет в поход по решению вече, а не по княжому приказу; и “пригороды станут” на том, на чем старшие города “положат”, а не на том, что князь решит. Но как войско народное требовало для своих выступлений организующей деятельности князя, так же значительна была его роль в судебно-административной и финансовой организации земли-волости. Если правы историки права, что вече, а не князь, должен быть признано носителем верховной власти древнерусской волостной администрации сходились в руках князя, а не вече или каких-либо его органов. В этом оригинальная черта древнерусской государственности». При всем при том, «правительственная власть князя не доросла за изучаемый период до государственного властвования»⁷.

Большинству исследователей, писавших о принципе единодушия на вечевой площадке, последнее виделось чертой, характеризовавшей древнерусское вече с архаической стороны. Как мы видели, В. И. Сергеевич подчеркивал особую ментальность «древнего человека», «не способного» к иному «решению вопроса», возможному только «теперь», т. е. в Новое время.

В современной историографии данная черта сводится к *общевропейской* архаике (и славянской, и германской)⁸.

Поиск корней исторических институтов в глубокой древности — путь совершенно оправданный и необходимый. Однако иногда древнейшие по происхождению явления в новых условиях переживали трансформации, в результате чего их характеристика не может быть сведена только к архаической подпочве. «Вторичное» оформление феноменов исторической жизни — обычный их удел в контексте развивающегося исторического процесса.

Древнерусское «одиначество» рисуется многоплановым явлением. При всех своих общевропейских архаических истоках *именно в контексте древнерусской культуры*

⁵ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. Власти. Вып. 1. Вече и Князь. СПб., 1893. С. 63–71. (Первое издание данного труда: Сергеевич В. И. Вече и Князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Москва, 1867; новейшая перепечатка по тексту последнего прижизненного издания 1908 г.: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. М., 2006).

⁶ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 428.

⁷ Там же. С. 427–428, 437–438.

⁸ Я имею в виду сравнительно недавнее исследование Кароля Модзелевского «Варварская Европа»: Karol Modzelewski. Barbarzyńska Europa, Warszawa: Wydawnictwo “Iskry”, 2004.

оно заявило о себе с наибольшей наглядностью. Суть каждого явления как такового не в том, чем оно похоже на другие, родственные ему, феномены, а в том, чем оно от них отличается.

Начало это, возникая в глубокой старине, письменную фиксацию, как я докзываю⁹, впервые получает в *Ярославовых грамотах Новгороду*. Но сам по себе этот принцип — конечно, не будучи новгородским изобретением — составлял *важнейшую* сущностную черту древнерусского политического уклада.

Без убеждения в неделимости власти, в нераздельности действий ее форм, без единодушия веча и согласия его с князем, а князя с ним, как нормы и правила, данный уклад функционировать не мог.

Возникновение принципа «одиначества», вероятно, следует относить еще ко временам *праславянских* племенных собраний. Есть данные, что на этих собраниях царили несогласия, которые удивляли византийских наблюдателей¹⁰. Дух противоречия был настолько силен среди архаического славянства, что влиял даже на его военную культуру, сказываясь на способах ведения войны¹¹. Допустимо предположить, что начало соперничества, издревле характеризовавшее жизненный уклад славян, стимулировало поиски и особого действенного противовеса, который и был найден в форме интересующего нас принципа. Новое дыхание этот — не менее древний — принцип славянского жизнеустройства получил в эпоху перехода от племенного быта к строю земель-волостей.

В политическом «одиначестве» на Руси со временем воплотилось нечто большее, чем потребность в устроении власти. «Одиначество» заявило о себе и как *религиозно-нравственный* принцип народной жизни, готовый и способный к христианизации. В определенном и важном смысле традиционные институты дохристианской Руси становились теми «новыми мехами» для «вина нового, учения благодатного», о которых писал митрополит Иларион, используя замечательный евангельский образ¹².

В пору древней киево-новгородской Руси князь, **при условии его одиначества с вечаем**, мог иметь *огромную* власть. Равно как на протяжении всего периода до середины XIII в. на общегородском вече (собрании корпораций, прежде всего, и уже затем отдельных горожан, — как мы это видим на примере Новгорода) принцип большинства оборачивался принципом *единогласия*. Но древнерусское народовластие, с одной стороны, не оставлявшее места для волеизъявления меньшинства, с другой стороны, представляло уникальный пример твердости его прав, доходивших до права на раскол. Многочисленное и сплоченное меньшинство (обычно, уличанскую или кончанскую общину) невозможно было принудить подчиниться. Поэтому «усобица» отчасти легитимизировалась как средство достижения необходимого компромисса.

На вечево́й площади «домонгольского» периода «гражаны» сходились «в одну речь», или «в любовь», *так же*, как позже «в одну речь» будут сходиться думцы московского государя, *после разнотолков* «приговаривая» по тому или иному его «указу».

И сама власть государя Московского унаследует от княжеско-вечевого «одиначества» русской старины и единодушия древнего веча *могучую непреерекаемость и полноту власти*.

К тому же, власть эта с зарождения своего — власть *главнокомандующего*, ибо Московское государство «есть вооружённая Великороссия, борющаяся на два фронта» (В. О. Ключевский)¹³. К тому же, власть эта вскорости приобретет религи-

⁹ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы... С. 63–108.

¹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 76.

¹¹ «Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают» («Стратегикон» Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Изд. 2-е, испр. / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М., 1994. С. 371).

¹² Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. СПб., 1997. Т. I. С. 38–39.

¹³ Ключевский В. О. Курс Русской истории. Ч. 2 // Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. II. С. 372.

озную санкцию, сомкнувшись (и проникнувшись) с православным пониманием взаимодействия *Церкви и Царства*, о чем особо скажем ниже¹⁴.

Со всем этим связан феномен «демократического полновластия» московских князей, по выражению Ключевского¹⁵, или — «народная монархия», по выражению Солоневича¹⁶.

Строй Великорусского государства, ставшего историческим «ответом» на «вызов» внешней угрозы, нельзя мыслить лишенным социально-политических предпосылок в предыдущем развитии. С одной стороны, «мирская» традиция никогда не прерывалась в русской истории¹⁷. Неизменно возрождалось в России и земское самоуправление. Уничтожение новгородского веча «...не означало уничтожения Москвы северного народоправства как местного устройства. “Собирая” русские земли, Москва “собирала” и их уклады, включая их в уклад общегосударственный»¹⁸. С другой стороны, эпоху вечаемого народовластия, высший взлет которого — в Великом Новгороде, и времена Московского самодержавия прочно связывает как раз *исконное русское начало «одиначества», неделимости власти*.

Вне учета данного принципа не получают адекватного объяснения ни характер самой московской монархии, ни характер Земских соборов и Боярской думы, ни взаимные отношения этих форм власти, ни весь строй внутригосударственных отношений.

Неделимая власть древнерусской поры — власть князя и находившегося с ним в согласии единодушного веча. Политическое «одиначество» в качестве неизбежной предпосылки принятия решения, в случае невозможности «сойтись в одну речь» сразу, предполагало «усобицу» (вечевых «партий», князя и веча). В московский период вече исчезло, но «одиначество» не переставало напоминать о себе как в традиции совета государя со своими думцами, со «всею землею», так и в традиции общинного самоуправления. Традиция *совета* — оборотная сторона исконных русских представлений о полноте и неделимости власти. Формула К. С. Аксакова 1855 г.: «сила власти — царю, сила мнения — народу» стала не отражением прекраснодушия славянофильского либерализма, а результатом проникновенного видения истоков национального мироустройства.

Думаю, *есть все основания полагать «одиначество» центром и нервом всей древней русской политической культуры в целом*. Вечевой уклад Киево-Новгородской Руси — такой же конкретно-исторический ее случай, как и Московское самодержавие. Обычное противопоставление самодержавной власти московских государей вечевой «вольнице» предшествующего периода нуждается в оговорках. Вече и самодержавие связаны друг с другом принципом «одиначества».

А насколько все же позволительно ставить понятия «православие» и «самодержавие» в один смысловой контекст? Нет ли в этом неправомерного приспособления нравственного и исторического потенциала православия к нуждам политической теории, в сущности посторонней для истории христианской Церкви в России? По необходимости краткий ответ на этот вопрос мог бы быть следующим: величайшая мировая религия и национальная самобытно-сильная власть образовали в отечественном прошлом органическое сочетание, определившее важнейшие особенности русской истории и культуры.

При своем возникновении во второй половине XV в. термин «самодержавие» не означал какой-либо особой формы или разновидности монархии. Этот термин

¹⁴ См.: *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие священной державы // *Новый мир*. 1988. № 7. С. 217.

¹⁵ *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 350.

¹⁶ *Солоневич И. Л.* народная монархия. М., 1991.

¹⁷ Например, см.: *Покровский Н. Н.* Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // *Новый мир*. 1989. № 9.

¹⁸ *Ермошин В. В.* Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. / *В. В. Ермошин, Н. Н. Ефремова, И. А. Исаев [и др.]*. М., 1986. С. 109.

указывал только на то, что теперь (после падения Константинополя в 1453 г. и свержения ордынского владычества в 1480 г.) великий князь Московский как правитель государства не зависим, суверенен — «сам держит». А до второй половины XV в. он был номинальным вассалом византийского императора и данником ордынского хана. Таким образом, «самодержавие» поначалу — это национально-государственная независимость, не более и не менее.

Данный смысл понятия сохраняется и позднее. Но средневековая московская монархия рано приобрела характер, отличавший ее от монархий Западной Европы и в определенной мере сближавший с властью византийских императоров. Понятие «самодержавие» стало отражать данное своеобразие. Вобрав в себя дополнительные компоненты, оно приобрело обновленный смысл.

С середины XIII века и до века XVIII Россия жила в режиме сверхвысокого давления извне. В ходе объединения великорусских земель вокруг Москвы, отвечавшего объективным интересам национальной самообороны, власть московских государей заметно усилилась. Особенно укрепило социальные позиции самодержавия развитие условного землевладения на обширных конфискованных землях новгородского боярства, пошедших в раздачу московским помещикам. Помещики могли владеть своими поместьями, покуда несли государеву ратную службу. В короткий исторический срок разраставшаяся поместная система «переработала» весь прежний строй отношений монарха с классом крупных землевладельцев. Ко второй половине XVI в. все феодалы на Руси служили государю, и сама служба стала безусловным долгом. Власть московских самодержцев по отношению к их подданным, тем самым, намного превзошла власть других монархов тогдашней Европы. Постоянная внешняя угроза исторически оправдывала и освящала сложившийся военно-служилый строй с мощной центральной властью.

Но «самодержавие» не только сильная монархическая власть как таковая. После неприятия русскими Флорентийской унии 1439 г. с Римско-католической Церковью наша Церковь стала фактически автокефальной (т. е. самостоятельной по отношению ко Вселенскому Константинопольскому патриарху), а учреждение на Москве в 1589 г. патриаршества окончательно оформило русскую церковную автокефалию. Избавившись от контроля со стороны Константинополя, Русская Церковь в полном соответствии с византийской моделью церковно-государственных отношений признает верховенство монархической власти. В свою очередь, и государство как бы воцерковляется, начинает действовать по церковным правилам, принимает на себя церковные задачи и «священную миссию». Его идеология становится и по происхождению, и по содержанию церковной. Иначе говоря, возникает своеобразный «симбиоз» Церкви и Царства, особый сакрализованный общественный порядок — «Святая Русь», когда государство мыслится носителем религии и высшим защитником ортодоксальности.

Однажды, еще до установления автокефалии и гибели Византии, сын Дмитрия Донского — великий князь Московский Василий Дмитриевич дерзновенно и легкомысленно заявил, что русские имеют с греками одну Церковь, но не имеют одного царства, т. е. греческий император, для нас, русских, царем не является. На это заявление Московского князя Вселенский патриарх Антоний IV ответил строгим учительным посланием: «Невозможно для христиан иметь Церковь и не иметь Царства, ибо Церковь и Царство пребывают в великом единении, и невозможно для них быть разделенными»¹⁹. Это были слова византийца, чьему царству в 1390-е годы было отмерено чуть больше полувека, к великому князю Московскому, чьи потомки вскоре после конца Восточно-Римской империи положат основание Русскому царству. Зададимся, вместе с замечательным русским историком Сергеем Аверинцевым, тем же риторическим вопросом: «Уж если цареградский патриарх так авторитетно объясняет московскому государю, что православное Царство — необходимый коррелят и как бы полная реализация православной Церкви, можно ли не принять такой урок к сердцу, и притом на века?»²⁰

¹⁹ Цит. по: Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. С. 217.

²⁰ Там же. С. 217–218.

Предполагая сильную монархическую власть, политический строй, именуемый русским самодержавием, исторически в то же время основывался и на понимании этой власти как врученной Богом, как царского религиозного служения, религиозного долга. Данное убеждение укоренилось в русской традиции. Не с ним ли связана неуступчивость такого искренне верующего православного человека, как Николай II, в пору революционных покушений на его власть?

И в «петербургский» период отечественной истории, несмотря на все отступления от канонического строя Церкви и на внешнее унижение ее, российские самодержцы не забывали о своем историческом призвании. Когда, наконец, во второй четверти XIX в. завершился период неизбежных заимствований с Запада (оборотная сторона восточноевропейской модели перехода к Новому времени), в поисках государственного мировоззрения впервые обратились не к теориям иноземных профессоров, а к отечественной истории. Результаты поисков свелись в знаменитой триаде умнейшего русского государственного деятеля эпохи графа С. С. Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность». Значение этой триады для развития идеологии русской государственности Нового времени трудно переоценить. Как для гуманитарной культуры (литературы, изобразительного искусства, проч.) наиболее плодотворный путь развития в XIX–XX вв. был прежде всего связан с синтезом постсредневековой европейской культурной практики с отечественной православной традицией, так и для русской политической культуры было необходимо использование национального исторического опыта.

Сегодня исконный русский взгляд на верховную власть как на религиозное (и во многом жертвенное) служение во имя России устанавливает беспримерно высокую нравственную и профессиональную планку конкурирующим политическим силам. В этом состоит непреходящее значение древнейших оснований исторической жизни нашего Отечества.

Источники и литература

1. *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие Священной державы // *Новый мир*. — 1988. — № 7. — С. 217.
2. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — Ростов н/Д : Феникс, 1995. — 640 с.
3. *Ермошин В. В.* Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. / *В. В. Ермошин, Н. Н. Ефремова, И. А. Исаев [и др.]*. — М. : Наука, 1986. — 288 с.
4. *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси / Изд. 3-е, испр. — М. : Синодальная типография, 1902. — 555 с.
5. *Ключевский В. О.* Курс Русской истории. Ч. 2 // *Сочинения* : в 9 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. II.
6. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). — СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. — 352 с.
7. *Петров А. В.* Новгородские убоицы: возникновение и разрешение общественных конфликтов в вечевом городе (к изучению древнерусского народоправства) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2004. — 354 с.
8. *Петров А. В.* К вопросу о характере и итогах социально-политического развития Великого Новгорода в XI–XV веках // *Вечевая республика в истории России : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 сент. 2008 г. Ч. 1* / Сост. Д. Б. Терёшкина, Г. М. Коваленко, С. В. Трояновский [и др.]. — Великий Новгород : Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2009.
9. *Петров А. В.* К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // *Проблемы истор. регионоведения* : Сб. науч. тр. к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. — СПб. : Изд-во «Скифия-принт», 2009.

10. *Петров А. В.* Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности : К 75-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2011.
11. *Платонов С. Ф.* Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 году и после подчинения до Ништадтского мира 1721 г. // *Петров А. В.* С. Ф. Платонов о новгородском вече. Прил. 1 // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωσια: εν χρόνω, εν προσώπω, εν εἰδει. Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д-ра ист. наук, проф. А. В. Петрова. — СПб., 2016. С. 51–54.
12. *Покровский Н. Н.* Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. — 1989. — № 9.
13. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. — М. : Наука, 1993. — 635 с.
14. «Стратегикон» Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). — Изд. 2-е, испр. / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. — М., 1994.
15. *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 2. Власти. Вып. 1. Вече и Князь. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. — 336 с.
16. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. — СПб. : Наука, 1997. — Т. I. — С. 26–61.
17. *Солоневич И. Л.* народная монархия. — М. : Феникс, 1991. — 512 с.
18. *Karol Modzelewski.* Barbarzyńska Europa. — Warszawa : Wydawnictwo “Iskry”, 2004.

Aleksey Petrov. Orthodoxy, “Odinachestvo”, and Autocracy: Towards the Question of the Historical Foundations of Russian Political Culture.

This article is devoted to the origin and interaction of the most important features of Russian political culture. The historical essence of “identity” is considered — in its all-European archaic origins it was precisely in the context of the ancient Russian culture that it manifested itself with the greatest clarity, becoming the center and the nerve of the entire ancient Russian political culture. The author claims that the combination of a great world religion and a national original powerful authority formed an organic combination in Russian history, which in many respects determined the most important features of Russian history and culture. The search for a national outlook at a later time was reduced to the triad of “Orthodoxy, Autocracy and Nationalism”, proclaimed by Count Sergey Uvarov, which incorporated the ideology of Russian national political thought and played an important role in the development of Russian statehood. The author shows that the reliance on the national historical experience and an appeal to national history with its identity for Russian political culture were necessary then and have had an enduring significance since, acquiring a special meaning in modern times.

Keywords: Orthodoxy, identity, popular assembly, autocracy.

Aleksey Vladimirovich Petrov — Doctor of Historical Sciences, Professor of St. Petersburg State University and St. Petersburg Theological Academy (a.v.petrov@spbu.ru).